

АНТАГОНИЗМ ЯЗЫЧНИКОВ ЛИТВЫ И ХРИСТИАН В XIII В. В НАРРАТИВНЫХ ТРАДИЦИЯХ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА И РУСИ

Аннотация: Статья посвящена анализу антагонизма язычников Литвы и христиан, проживавших на соседних территориях, представленного в европейских нарративах, в первую очередь, хрониках Немецкого ордена, а также памятниках русского летописания. В процессе исследования проблемы была проведена реконструкция летописного образа язычников-литовцев, совершающих преступления против христиан (как на орденских землях, так и на территориях Руси), классифицированы преступления, совершаемые язычниками на христианских землях, определены особенности феномена «Божьей кары», постигающей неверных за свои святотатства. Автором дано определение значения антагонизма языческой и христианской культуры в средневековой нарративной традиции в контексте политогенеза Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: Литва, Немецкий Орден, Русь, язычество, христианство, «Божья кара», антагонизм, хроники, война.

Великое княжество Литовское развивалось в сложных социополитических условиях. Изучение первых этапов его государствообразования осложняется малочисленностью сохранившихся источников, а также противоречивостью содержащихся в них данных. Вопросы, относящиеся к раннему периоду развития ВКЛ, эпохе его первых правителей до сих пор остаются предметом острых дискуссий представителей различных национальных исторических школ. Особенно «темным» представляется период образования данного государства, условия и обстоятельства его возникновения, равно как и все детали

правления его первого правителя – Миндовга или его непосредственных последователей.

Несмотря на то, что в наше время можно найти значительный комплекс исследований, посвященных периоду образования ВКЛ, эпохе правления Миндовга, а также предшествующим ей событиям, как в белорусской, так и в польской, литовской, украинской, в меньшей степени российской историографии, данные работы главным образом затрагивают внешнюю и внутреннюю политику раннего ВКЛ и его первых правителей в контексте общегосударственного развития,¹ поднимают вопрос взаимоотношений Миндовга с Немецким орденом, Русью, Польшей и другими соседями,² рассматривают феномен

¹Антонович В. Б. Очерки истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878; Lowmianski H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983; Baranauskas T. Lietuvos valstybės istakos. Vilnius, 2000; Ochmanski E. 1) Dawna Litwa. Studia historyczne. Olsztyn, 1986; 2) Historia Litwy. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1990; Paszkiewicz H. 1) Litwa przed Mendogiem // Pamiętnik V powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie. 28 listopada do 4 grudnia 1930 r. T. 1: Referaty. Lwów, 1930. S. 246-258; 2) Początki Rusi. Kraków, 1996; Gudavičius E. 1) Polityczny problem Królestwa Litewskiego w połowie XIII w. // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefie Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Materiały z konferencji historyków radzieckich i polskich w Toruniu z r. 1988; red. M. Biskup. Toruń, 1990. S. 61–84; 2) Mindaugas. Vilnius, 1998; Makauskas B. Lietuvos Istorija. Kaunas, 2000; Бардах Ю. Штудыі з гісторыі ВКЛ. Мінск, 2010; Краўцэвіч А. К. Гісторыя Вялікага княства Літоўскага, 1248–1377 гг. Вроцлаў, 2015; Насевіч В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. Мінск, 1993; Семянчук Г., Шаланда А. Да пытання аб пачатках Вялікага княства Літоўскага ў сярэдзіне XIII ст. (яшчэ адна версія канструявання мінуўшчыны) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. № 11. 1999. S. 5-20.

²Błaszczak G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. 1: Trudne

внутриполитической борьбы или отдельные аспекты (социальные, культурные, религиозные) правления первых правителей формирующегося государства.³ Вместе с тем, фокусируя первоочередное внимание исследователей на конкретные вопросы внутри- или внешнеполитической жизни новой политики, данные работы практически оставляют в стороне один из интереснейших феноменов, связанных с образом «литовцев» как воинственных, коварных язычников, нападающих на соседние земли, в контексте социокультурных различий мировосприятия представителей различных религий в эпоху Средневековья. Несомненно, данные нападения, как и образ язычников-литовцев, созданный в христианской нарративной традиции, являются одним из ключевых элементов становления государственности ВКЛ, представляют собой отражение менталитета средневекового христианского книжника, а также позволяют глубже исследовать вопросы, связанные с антагонизмом языческой и христианской

культуры, возникшим в процессе становления ВКЛ и нашедшим свое яркое отражение в нарративных источниках.

К сожалению, не сохранилось памятников белорусско-литовского летописания, описывающих как догосударственные объединения на территории будущего ВКЛ, так и детали правления первого великого литовского князя и его преемников, а основные данные черпаются из памятников древнерусской и европейской, в частности, польской и немецкой нарративной традиций, а также немногочисленных актов документов, подлинность ряда из которых вызывает сомнения. Вместе с тем анализ содержащихся в нарративах данных, а также комплексный подход к разным типам источников может помочь пролить свет не только на социополитические условия складывания ВКЛ, но и ответить на вопрос о роли литовцев в созданном хронистами антагонизме языческой и христианской культуры в процессе становления нового государства, а также говорить, пусть и с большой долей вероятности, о значении данного противостояния в средневековой политической культуре.

Поэтому целью данной статьи стал анализ антагонизма язычников Литвы и христиан, проживавших на соседних территориях, представленный в европейских, в первую очередь, немецких хрониках, а также памятниках русского летописания.

Среди задач, которые предстоит решить автору: анализ сведений, содержащих информацию о нападениях язычников Литвы на земли Немецкого Ордена и Руси в XIII в. в орденских и русских нарративных источниках; реконструкция образа язычников-литовцев, совершающих преступления против христиан; классификация преступлений, совершаемых язычниками на христианских землях; характеристика особенностей феномена «Божьей кары», постигающей неверных за свои святотатства; определение значения антагонизма языческой и христианской культуры в средневековой нарративной традиции в контексте политогенеза ВКЛ.

Условно статью можно разделить на

początki. Poznań, 1998.; *Halecki O.* Polska i Litwa wobec Rusi w jej epoce dzielnicowej // *Dzieje Unii Jagiellonskiej*. T. 1: Wiekach Srednich. 1919; *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264. Kraków, 2011. S. 220-222, 279-281, 289-290; *Волощук М.* Галицькі князі та знать у відносинах із Литвою // *Український історичний журнал*. № 4. 2018. С. 4-19; *Дубонис А.* Проблемы образования Литовского государства и его отношений с Галицко-Волынским княжеством в новейшей историографии Литвы // *Княжа доба: історія та культура*; ред. Я. Ісаєвич. Львів, 2008. С. 142-157.

³*Kosman M.* Od chrztu do chrystianizacji. Warszawa, 1992; *Rimša E.* Ar Mindaugo majestotinis antspaudas? // *Lietuvos dailės muziejaus metraštis*. № 6. 2005. P. 35-44; *Rowell S. C.* 1) Pagans, peace and the Pope 1322–1324: Lithuania in the Centre of European Diplomacy // *Archivum Historiae Pontificiae*. Vol. 28. 1990. P. 63-98; 2) Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994; *Rowell S. C., Griskaitė R., Rudis R.* A history of Lithuania. Vilnius, 2002; *Гудавичус Э.* «Литва Миндовга» // *Проблемы этногенеза и этническая история балтов*; под ред. Р. Ваулкайте. Вильнюс, 1985. С. 219-227; *Жлутка А.* Каранация Миндоўга і заснаванне першага біскупства ў дакументах XIII ст. // *Наша Вера*. № 2 (24). 2003. С. 36-44; *Jaritz G.* Rituals, images and daily life: the medieval perspective. Berlin, 2012; *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1 (11). 2012. С. 95-116.

три блока, посвященных противостоянию язычников Литвы и Немецкого Ордена в XIII в., нападением язычников-литовцев на земли Руси в указанный период времени, а также анализу антагонизма языческой и христианской культуры в средневековой нарративной традиции.

Анализируя сведения, содержащиеся в источниках, нельзя не обратить внимание на огромное значение, которое уделяют хронисты и летописцы военным походам, совершаемым литовцами на земли Ордена и Руси, а также ответным акциям последних. Таким образом, формируется картина военного противостояния, особенно высокая активность которого характерна для догосударственного периода, а затем – для времени правления Витеня и Гедимины. Наличие подобных записей и свидетельств во многом можно объяснить прохристианской направленностью текстов, условиями их создания, положением, занимаемым самими летописцами или хронистами в структуре общества, а как следствие – попыткой авторов объяснить и оправдать деяния христиан на соседних, языческих, территориях.

При этом необходимо отметить, что наиболее информативным источником в контексте данного исследования являются хроники, созданные на территории Немецкого Ордена. Помимо описания главных событий, имевших место как на землях Ордена, так и на сопредельных территориях, авторы дали свою собственную оценку характеру явлений (в том числе военных нападений литовцев на земли Ордена), а также их участникам. При этом главное внимание было уделено почитанию церкви и религии, а также роли рыцарей и их правителей в ее сохранении. Оппозицией благочестивым монархам выступают язычники, против которых приходилось и необходимо было вести борьбу для сохранения и распространения истинной веры.⁴ Именно поэтому в данных хрониках

⁴Rowell S. C. Pagans, peace and the Pope 1322–1324: Lithuania in the Centre of European Diplomacy // Archivum Historiae Pontificiae. 1990. Vol. 28. P. 63;

можно найти большое количество свидетельств, описаний столкновений между христианами и язычниками (что, по сути, означало в представлении средневековых хронистов борьбу между истиной и злом). Наверняка по этой причине язычники Литвы описываются ими как дикие, жестокие и мстительные враги. Поэтому война с ними – это дело, благословленное Господом. А яркие примеры «Божьей кары», постигающей язычников-литовцев за их нападения на христианские земли – неоспоримые свидетельства мировоззрения средневекового христианского книжника, равно как и своеобразное отражение отношения европейского мира к языческим соседям.

Первые описываемые военные столкновения относятся ко времени зарождения государственности у литовцев, зачастую носят стихийный характер и описываются достаточно сжато. Наиболее ранними источниками подобного толка являются «Ливонская рифмованная хроника», а также «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского⁵. Редко упоминаются литовские лидеры, руководящие отрядами, чаще они представляются некой силой, «творящей неожиданные нападения и грабежи»⁶. Под 1206 г. Генрих Латвийский рассказывает о том, что орденский епископ, стремясь снискать расположение полоцкого князя Владимира, послал ему через аббата боевого коня с вооружением. Однако по дороге разбойники литовцы его ограбили⁷.

В процессе формирования и развития государственности у литовцев характер как самих столкновений, так и сообщений, их описываемых, несколько меняется и во

Более подробно о конфликте между Немецким Орденом и Литвой см.: Rowell S. C. Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe, 1295–1345.

⁵Henricus Lettus. Livländische Chronik // Scriptores rerum Livonicarum. Riga, 1853; Livländische Reimchronik / ed. by Franz Pfeiffer. Stuttgart, 1844.

⁶Hermann de Wartberge. Die Chronicon Livoniae // Scriptores rerum Prussicarum. Bd. II. Leipzig, 1863. S. 45.

⁷Henricus Lettus. Livländische Chronik. S. 95. См. также русскоязычное изд. с коммент.: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Пер. С. А. Аннинского. М.–Л., 1938. С. 95.

многое зависит от политики того или иного правителя в отношении христианства и непосредственно самого Ордена. Так, при описании эпохи правления Миндовга главное внимание хронистами уделяется не его военным акциям, направленным против рыцарей Ордена, но принятию христианства, а также его коронации.⁸ Хотя информация о военных нападениях литовцев и противостоянии язычников и христиан присутствует, относится она, как правило, ко времени отречения Миндовга от веры и возвращению к древней религии. Так, Герман из Вартберга при описании событий 1261 г. указывает, что в то время, как брат Вернер был магистром, король литовский Миндовг отрекся от веры, изгнал из своих земель братьев и всех христиан⁹.

Наиболее яркие и зловещие свидетельства противостояния христианского Ордена и языческой Литвы относятся ко времени правления Витеня, известного своим нетерпимым отношением к принятию христианства, а также активной западной внешней политикой, и ко времени Гедимины, знаменитого благодаря «политическим играм» с католической церковью. При этом особого внимания заслуживает описание преступлений, совершаемых язычниками Литвы на христианских землях Ордена во время нападений, а также Божьего наказания, или «Божьей кары», постигающей литовских воинов во время подобных военных акций.

Военные конфликты, описанные в орденских хрониках, можно условно разделить на несколько категорий: нападения рыцарей Немецкого Ордена на земли Литвы¹⁰; нападения литовцев на орденские земли и ответные акции христианских отрядов¹¹; случайные незапланированные столкновения, происходившие на той или иной территории¹².

При этом походы со стороны христиан характеризуются орденскими хронистами главным образом как ответные меры на действия литовцев, а также походы, направленные на христианизацию соседних земель. Анализируя характер военных походов язычников Литвы против рыцарей Ордена, можно отметить дуалистический характер этих нападений. Помимо акций, инициированных самими литовцами для достижения своих политических или экономических целей, неоднократно встречаются сообщения о том, что литовцы участвуют в коалиционных сражениях¹³ или вовсе выступают в роли наемного войска¹⁴. Кроме того, неоднозначный характер носят и сообщения о самостоятельных нападениях литовцев. Их можно условно разделить на спланированные военные походы, проводимые под руководством самого правителя либо представителя нобилитета складывающегося государства, а также на спонтанные нападения «литовцев» или «разбойников из Литвы» с целью грабежа. При этом участие или одобрение правителя вызывает сомнение: «*Posthec quidam alii latrunculi de Lethowia v villas in terra Lubowie hostiliter invaserunt, et cc Cristianos aliis captis partim occiderunt*»¹⁵. Как бы то ни было, и спланированные военные акции, проходящие под предводительством литовских правителей, и нападения язычников-разбойников приносят в тексте хроники немислимые бедствия и постоянные опустошения землям Ордена.

Упоминание военных сражений христианских рыцарей и язычников Литвы в немецких хрониках зачастую сопровождается красочным описанием преступлений, совершаемых последними на землях Ордена. Авторы подчеркивают воинственность, жестокость и коварство язычников, которые в большинстве случаев являлись не-

⁸*Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae // Scriptores rerum Prussicarum. V. 1. Leipzig, 1861. S. 138.*

⁹*Hermann de Wartberge. Die Chronicon Livoniae. S. 39.*

¹⁰*Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae. S. 171-172.*

¹¹Там же. S. 138, 164.

¹²Там же. S. 179.

¹³Там же. S. 193.

¹⁴Там же. S. 157, 163.

¹⁵Там же. S. 167. Перевод: «После этого какие-то другие разбойники из Литвы коварно напали на пять деревень в земле Любавской и убили 200 христиан, некоторых других взяв в плен». (Здесь и далее перевод по: *Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / под ред. В. И. Матузовой. М., 1997.*)

сомненными инициаторами военных акций на христианские земли: «*Anno Dn. MCCLXXXIII octingenti viri de Lethowia equites tempore hyemali per Neriam Curoniensem intraverunt Sambiensem terram et duo territoria ejus scilicet Abendam et Pubetam per incendium et rapinam vexaverunt, occidentes CL homines cristianos, et nullo eis resistente omnes salvi redierunt*»¹⁶.

Стихийные нападения язычников на земли Ордена характерны прежде всего для ранних этапов государствообразования на землях будущего ВКЛ и характеризуются хронистами в первую очередь как разбой, совершаемый с целью грабежа. Несколько другой характер имеют описания военных нападений литовцев с конца XIII в. – с эпохи правления Витеня. В военных действиях этого правителя, а также его последователей прослеживается определенная логика, наблюдается причинно-следственная связь между нападениями с той или иной стороны, и можно говорить уже о целенаправленной военной политике первых правителей ВКЛ, устремленной к достижению в первую очередь определенных политических, а не экономических целей.

Необходимо подчеркнуть, что вне зависимости от обстоятельств военных столкновений, а также их хронологических границ в рамках указанного периода, литовцы в орденских хрониках представляются значительной военной силой, а их правители являются суровыми и могущественными военачальниками, обладающими легитимной властью. На борьбу с ними зачастую отправляются самые сильные и наиболее знатные представители христианского мира, считающие эту миссию почетной.¹⁷

¹⁶Там же. S. 144. Перевод : «В год от Рождества Христова 1283 800 всадников из Литвы зимой по Нерии вторглись в Самбийскую землю и две ее волости, а именно Абенду и Побету, разорили огнем и мечом, убив 150 христиан, и так как никто не оказал им сопротивления, все они ушли целые и невредимые».

¹⁷Die Aeltere Chronik von Oliva // Scriptores rerum Prussicarum. В. 5. Leipzig, 1874. S. 614, 616.

При этом можно выделить несколько категорий злоумышленных действий, совершаемых «неверными». Одним из наиболее информативных источников в этом отношении является «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга. Наиболее часто встречающимся типом столкновений в данном источнике являются неожиданные нападения язычников, сопровождающиеся разрушениями и грабежами: «*et omnia edificial et segetes cremavit, paucos Cristianos occidit, et modicum predam deduxit*»¹⁸. Более того, данные атаки часто сопровождались пленением или убийством рядового населения: «*post multa damna ibidem facta in occisione et capcione hominum incendio et rapina*»¹⁹.

Разумеется, всё это было типично для средневекового общества, и все войны сопровождались кровопролитием. Но в отношении противостояния Ордена и литовцев выделяется конкретный тип преступлений – пленение и убийство христиан, что видится хронистами одним из самых серьезных последствий литовских атак, за которым неизменно должно прийти наказание²⁰. В «Хронике Ливонии» Германа из Вартберга можно найти описание сражения, в котором языческие отряды напали на город, убили 400 христиан и пленили оставшееся население.²¹ Схожие свидетельства можно найти и в других хрониках. Но даже убийство христиан, совершаемое язычниками Литвы, с точки зрения орденских хронистов не считалось настоящим злом. Вопиющим святотатством, за которым неизменно следовала «Божья кара», являлось осквернение христианских святынь – разграбление и поджог соборов, уничтожение или порча святых реликвий, а также поругание имени Господа²².

¹⁸Peter von Dusburg. Chronicon terrae Prussiae. S. 151.

¹⁹Там же. S. 155.

²⁰Hermann de Wartberge Die Cronicon Livoniae. S. 64.

²¹Ibid.

²²См.: Rasanen M., Hartman G. Relics, identity and memory in medieval Europe. Turnout, 2016; Jaritz, G. Rituals, images and daily life: the medieval perspective.

Наиболее яркий пример в данном отношении содержится в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга, который методично и очень детально описывал все преступления, совершаемые литовскими язычниками не только против рыцарей Ордена, но и против христианских святых²³. Можно выделить случай, произошедший в 1298 году, когда 140 язычников вторглись в Штрайсберг, убили жителей и священников, пленили женщин и детей, разграбив при этом церковное имущество. Более того, один из нападавших осквернил баптистерий: «*Hoc anno scilicet domini MCCXCVIII de Lethowia CXL viri tam improvide irruerunt in die beati Michaelis in oppidum Straisbergk, quod totum populum et unum sacerdotem occiderunt, mulieribus et parvulis captis et preter verecundiam, quam aliis sacramentis fecerunt, unus purgando alvum baptisterium defedavit*»²⁴.

Что касается конкретной личности, с которой было связано наибольшее количество нападений язычников на орденские земли рассматриваемого хронологического периода, то ей, несомненно, был Витень, которого большинство хронистов XIV – начала XV в. называют самым агрессивным правителем Литвы. Описываемый как талантливый, но жестокий военный лидер, он принял участие во многих военных кампаниях литовцев²⁵. Более того, можно даже сказать, что значительное количество подобных походов на христианские земли Ордена было предпринято именно под его предводительством. Имя Витеня в связи с военными столкновениями и преступлениями

против христиан является наиболее часто упоминаемым именем литовских правителей в немецких нарративах указанного периода.

Большое внимание, в частности, уделяет Витеню и его преступлениям на орденских землях Петр из Дусбурга. В «Хронике земли Прусской» при описании нападения на Ленчицкую землю в 1294 г. автор говорит об убийстве более 400 местных жителей большой армией воинов литовского правителя: «*Eodem anno Vithenus filius regis Lethowie cum octingentis viris intravit terram Polonie, et in die pentecostes, dum in ecclesia Lunczensi canonici et ministry altaris et alii clerici cum solempni ornate essent in processione, irruit hostiliter in eos, et in ecclesia CCCC homines cristianos trucidavit, clericos et prelates, quos voluit, captives secum duxit, omnem ornatum, calices et alia vasa ecclesie ad illicitum usum pertrahebat in contemptum dei, ecclesiam cum sacramentis redegit in favillam, depopulataque terra circum adjacent factaque maxima strage in populo dei, tantam multitudinem deduxit captivam, quod cuilibet Lethowino in divisione cesserunt XX homines cristiani*»²⁶. Таким образом, автор опять-таки подчеркивает не только сам факт нападения, но и акцентирует внимание на преступлениях, совершаемых язычниками на орденских землях – убийство мирного населения и духовных лиц, пленение мирного населения, разграбление церковной утвари, осквернение святых, поджог храма и опустошение окрестных земель.

Интересно, что в «Хронике Литовской и Жемойтской» можно найти описание того же события, только вместо 800 литовских воинов летописец указывает другую цифру – 1800 воинов, которых Витень «*тихо през лесы, в землю Ленчицкую выведишь, кляшторы, костелы побурили,*

Berlin, 2012. Более подробно о «Божьей каре», постигающей литовцев за нападения на земли Ордена, см.: Ryier Y. To the issue of the phenomenon of “God’s punishment” of pagans of Lithuania for their attacks on the Christian lands of the Teutonic Order in the Order Chronicles of the XIV century // Rocznik Przemyski. Historia: z. 1 (23). T. 56. 2020. S. 13-23.

²³Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae. S. 164.

²⁴Там же. S. 164. Перевод: «В тот год ... 1298, 140 человек из Литвы так внезапно ворвались в день святого Михаила в город Штрайсберг, что убили всех людей и одного священника, взяв в плен женщин и детей, и помимо ущерба, который нанесли прочим святыням, один из них ... осквернил баптистерий».

²⁵Die Aeltere Chronik von Oliva. S. 606.

²⁶Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae. S. 156. «В том же году Витень, сын короля Литвы, с 800 мужами вошел в землю Польши и в день Пятидесятницы, когда в Ленчицкой церкви священники и служители алтаря и прочие клирики служили в праздничном облачении, он напал на них и убил в церкви 400 человек христиан, клириков и прелатов, которых хотел, взяв в плен, увести с собой; все облачения, кубки и прочие церковные сосуды он в знак презрения Бога использовал кощунственным образом, церковь со святынями превратил в пепел...».

людей духовного и свецкого стану, преложных и посполитых в неволю забрали, потым села и местечки огнем и мечем сплюндровали»²⁷. Вместе с тем сам характер военного столкновения, а также общая структура событий находит подтверждение в других источниках и носит достоверный характер.

Схожие преступления описаны в «Старшей Оливской хронике»²⁸, «Ливонской хронике» Германа из Вартберга²⁹ и «Новой Прусской хронике» Виганда из Марбурга³⁰. При этом описание нападений литовцев на христиан сопровождается яркой негативной характеристикой хронистов, демонстрирующих свое негодование в отношении преступлений язычников против истинной веры и праведных христиан. Ключевой идеей данных нарративов является как раз противостояние христиан и язычников.

Разумеется, невозможно представить себе преступления против веры без последующего за ним наказания. Эта идея раскрывает отчетливо прослеживающийся в орденских хрониках феномен «Божьей кары», которая постигает язычников за их нападения на земли Ордена.

Тексты хроник показывают два основных типа подобных последствий. Во-первых, это месть христианских рыцарей, которые догоняют вражеские литовские отряды, либо устраивают им засады, либо отправляются в поход по следам и неизменно побеждают. В этом случае можно говорить об отождествлении орденских отрядов с руками Господа, которые помогают вершить правосудие и добиваться справедливости. Более того, во время подобных военных акций рыцарские войска охраняются Богом и остаются невредимыми или по крайней мере

несут гораздо меньше потерь, чем их противники. Что представляется еще более интересным в данном контексте, так это то, что даже языческие правители не могут избежать подобной кары и наказываются за подобные преступления. Виганд из Марбурга, описывая смерть Витеня, объясняет это наказанием Бога за его преступления против христиан и святотатства, совершенные на орденских землях. Согласно указанному фрагменту, литовский князь во время своего похода захватил в плен множество христиан и начал глумиться над ними, прося принести ему *Corpus Christi*, высказывая сомнения в силе Господа, который оставил своих подданных, и предлагая отказаться от христианства в пользу язычества. Узнав об этом, другие рыцари организовали ответное нападение и убили литовского правителя. Таким образом, это было показано как наказание за его кощунство, совершенное с помощью Бога и во имя его: «*Unde christiani, audita tanta blasphemia et suorum affliction et martirio, divina ordinatione collecto exercitu forti pergunt die et nocte cum ordine vexillorum pretactorum et cum ymagine virgins de Holland, et ordinatis aciebus in fervor belli mane paganorum exercitum circumdederunt, quem ex omni parte invadunt, occident et capiunt. Rex eciam Wytan mala suscepit vix fugiens interfectus esset et capite truncates manu cuiusdam fortis cruciferi in vindictam mali, quod pridie perpetravit. Unde in campo Papelauken sic afflicti et captive christiani soluti sunt. Et sic in vindictam blasphemie sacramento facte pagani interfecti sunt et crudeliter proprio in sanguine inebriati. Quo peccato leti revertuntur in Prusiam, Deum glorificantes, a quo victoriam obtinuerunt, et multos captives secum duxerunt*».³¹ Но хотя Витень был убит с помощью Бога и его благословением, настоящим субъектом возмездия в данном случае был реальный человек – рыцарь Ордена.

В то же время в тексте хроник можно проследить другой тип «Божьей кары», более

²⁷Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час. Уклад. В. А. Варонін. 2-е выд. Смаленск, 2013. С. 434.

²⁸Die aeltere Chronik von Oliva. S. 710.

²⁹Hermanni de Wartberge. Die Cronicon Livoniae. S. 64, 72, 80.

³⁰Wigand Wigand von Marburg Nowa kronika pruska / oprac. S. Zonenberg, K. Kwiatkowski. Torun, 2017. S. 236.

³¹Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae. S. 130-132.

сакральной, представляющей собой чудо, вмешательство Господа. Так, Петр из Дусбурга связывает спасение небольшого отряда в замке Унигеда и победу маленького отряда рыцарей над огромной армией язычников с Божьей помощью, благословившей их во время битвы: «*Ecce quomodo unus persequebatur mille et duo fugabant decem milia. Nonne ideo, quia dues suus vendidit eos, et dominus conclusit eos?*».³² При этом заступничество Господа позволило рыцарям не только одержать победу над язычниками, но и избежать опасности: «*sicque fratres salvi dei gracia sunt reversi. Ecce quomodo angustie fratribus errant undique, sed dues, qui in se sperantes non derelinquit, ipsos de hujusmodi internecionibus misericorditer liberavit*».³³

Самый же яркий пример «Божьей кары» вновь связан с правлением Витеня и его военным походом. И если в предыдущем фрагменте мы выделили естественный характер наказания – его убийство реальным рыцарем, то данный пример ассоциируется именно с чудом. В указанном фрагменте Витень напал на Бартенскую землю, пленил христиан и спросил их, где их Бог, почему он им не помог в сражении. На следующий же день произошло нечто странное. Когда Генрих фон Плоцке пришел на помощь войскам Ордена, язычники испытали странный страх, их сердца были настолько ослаблены, что литовцы не могли больше воевать и убегали. Некоторые из них были схвачены и убиты, остальные – утонули, повесились от собственных мучений или умерли от голода в девственном лесу. Князю-язычнику с трудом удалось спастись, но, насколько нам известно из упомянутого ранее фрагмента, он также был вскоре наказан: «*Et ecce rex iste blasphemus nominis Jesu Cristi, dum venire in solitudinem ad terram Barthensem in campum dictum Woyploc, mente effrenatus gloriabatur, quasi potens in potencia exercitus sui, nunquam recogitans potestatem dei, et sit ad Cristianos captos, qui ligati astiterunt ibi: ubi est deus vester? Quare non adjuvat vos, sicut dii nostril auxiliati sunt nobis nunc et altera vice?*

³²Там же. S. 157.

³³Там же. S. 156.

Cristiani ingemiscentes tacuerunt. Sequenti die i.e. VIII idus Aprilis frater Henricus de Ploczke magnus commendator et CL fratres cum multo populo advenerunt et invenerunt regem et suum exercitum undique indaginibus vallatum, et in primo congress Lethowini LX viros cristianos interfecerunt; sed dum viderent fratres cum suo vexillo et multitudinem copiosam armatorum sequentem, irruit super eos pavor et adeo emarcuit cor eorum, quod non habebant ultra virtutem resistendi; unde quasi in ictu oculi rejectis armis omnes terga verterunt. Extunc fratres cum suis insequentes, percusserunt eos plaga magna, sic quod rex cum paucis vix evasit, alii gladio trucidati sunt, quidam submerse, ceteri in solitudine consumpti inedia vel pre dolore se suspendentes perierunt. Mulieres eciam cristiane, que capte ibi fuerant, dum vidissent sibi de cello victoriam venisse, immemores fragilitatis sexus sui irruentes repente in Lethowinos, qui eas custodiebant modo, quo poterant, occiderunt. In memoriam hujus gloriose victorie et ad laudem et gloriam Jesu Cristi fratres claustrum sanctimonialium in civitate Thorun fundantes donis magnificis dotaverunt».³⁴ Несомненно, что христианские

³⁴*Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae. S. 176-177.* Перевод: «И вот, когда король этот, осквернитель имени Иисуса Христа, пришел в пушку в земле Бартенской, в поле, называемое Войплок, возгордившись, похвалялся, как он силен силой войска своего, нисколько не подумав о силе Божией, и сказал пленным христианам, которые стояли перед ним связанные: «Где Бог ваш? Почему он не помогает вам, как наши боги помогли нам ныне и в другой раз?» Христиане, плача и вздыхая, молчали. На другой день, то есть в VIII иды апреля, брат Генрих фон Плоцке, великий комтур, и 150 братьев со многими людьми пришли и обнаружили, что король со своим войском со всех сторон окружен засадами, и в первой стычке литвины убили 60 христиан; но когда они увидели, что братья со своим стягом и великим множеством ратников идут за ними, то обуял их ужас, и так затрепетало сердце их, что у них не было более сил оказывать сопротивление; вот почему как бы во мгновение ока, бросив оружие, все они обратились в бегство. Тогда братья со своими людьми, настигнув их, поразили их великим поражением, так что король с горсточкой людей едва спасся, прочие были преданы мечу, некоторые утонули, остальные в пуще умерли от голода или погибли, повесившись с тоски. И когда женщины христианские, бывшие там пленницами, увидели, что им небом послана победа, забыв о слабости пола своего, внезапно набросились на литвинов, которые их усиленно стерегли, и убили. В

рыцари не могли не отблагодарить Господа за его чудесное вмешательство в дела земные, и в качестве благодарности давали клятву и строили монастыри и храмы для восхваления истинной веры. Они знали, что зло будет наказано, а их старания в деле распространения христианства увенчаются успехом.

Но здесь необходимо отметить еще одну деталь, которая, несомненно, играет большое значение в понимании мировоззренческого восприятия «своих – чужих», «добра – зла» средневековым хронистом. Поэтому, хотя большая часть случаев «Божьей кары» была связана с нападениями язычников Литвы на земли Ордена, были зафиксированы случаи, когда гнев Господа падал и на христианских рыцарей. И было связано это с отречением от истинной веры. Можно даже предположить, что для праведного христианина это представлялось еще более страшным преступлением, чем святотатства, совершаемые язычниками. Очень яркий пример, наполненный символизмом, содержится в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга и повествует о человеке, который бежал после крещения, но был схвачен, убит и растерзан собакой, которая съела его сердце, лживое и коварное: «*Quem sic interfectum canis ejus diris morsibus est aggressus, et aperiens latus ejus sinistrum, core jus, quod tot prodicionum et fraudum conscium fuit, de corpora extraxit, et in presencia Cristianorum plurium devoravit*».³⁵

Всё вышеизложенное позволяет говорить о том, что противостояние язычников и христиан в хрониках Немецкого ордена, как и представленный в них феномен «Божьей кары», представляет собой комплексное и достаточно сложное явление. Хотя в подавляющем большинстве фрагментов, описывающих нападения язычников Литвы на земли Ордена, красочное и эмоциональное описание

преступлений, совершаемых ими против христиан, дается последующее описание наказания, следующего за подобными действиями, становится очевидно, что и отступничество, совершенное христианами рыцарями, является, с точки зрения хронистов, не меньшим злом. Это позволяет сделать вывод о том, что для средневекового христианского летописца важнейшими критериями отношений «свой – чужой», «друг – враг», «добро – зло» являлись не только проводимая политика, совершаемые нападения или религия противника, но и уважение к истинной с их точки зрения вере, к Богу и его сакральным реликвиям. В противном случае существовала угроза универсальному порядку, а значит – устоям и основам структуры самого Ордена. В этом случае Господь должен был наказать «преступников», чтобы сохранить порядок.³⁶

Вместе с тем, необходимо отметить, что идея антагонизма «веры и неверия», язычества и христианства, как и феномен «Божьей кары», не является уникальной и характерной только для периода существования Немецкого ордена или его нарративов. Она встречается и в более ранних источниках восточнославянского происхождения.

Одним из наиболее ярких примеров тому является событие из средневековой русской истории, описанное в летописях и связанное с изгнанием Изяслава из Киева и посадением на престол полоцкого князя Всеслава Брючиславовича. После своего поступка киевляне усомнились в законности своих действий, так как посягнули на власть, дарованную и освященную Богом, и ждали возможного божественного гнева, который не заставил себя ждать. Чтобы отомстить восставшим горожанам, Изяслав организовал поход на Киев, в результате которого Всеслав

память об этой славной победе и в похвалу и славу Иисуса Христа братья, основав в граде Торуне женский монастырь, одарили его пышными дарами».

³⁵Там же. S. 147.

³⁶Флоря Б. Н. Два портрета идеальных правителей на страницах Хроника Галла Анонима // Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в Средние века: к 70-летию Бориса Николаевича Флоры (Славяне и их соседи. Вып. 12). М., 2008. С. 36; См. также: Kosman M. Od chrztu do chrystianizacji, 1992.

бежал, а жители были наказаны.³⁷ Причем этот случай не был единичным, и подобные события, тщательно зафиксированные летописцами, только подтвердили уверенность общества в незыблемости положения князя как правителя, избранного самим Богом. Источником этих представлений стала концепция божественного происхождения власти, издавна используемая как на Руси, так и в Европе. Это включало в себя несколько идей. Во-первых, это значительно повышало авторитет правителя в глазах общества. Во-вторых, утверждалось его божественное положение, подчеркивалось, что только Бог может даровать или отнимать престол, это право не дается обычным людям. В случае захвата власти население будет ожидать несчастья, если не в этой жизни, то в следующей³⁸. Поэтому если землей будут управлять истинные, богоизбранные правители, то ей будут прощаться многие прегрешения, если нет – земля и ее жители будут наказаны: *«аще бо князи правдивы бываютъ в земли . то многа ѿдаются согрѣшеньѧ [земли]. аще ли зли и лукави бываютъ . то болше зло наводитъ Бѣ на землю. понеже то глава естъ земли»*.³⁹

Позже можно говорить о том, что идея о вмешательстве Бога в дела людей получила свое развитие и распространилась не только на власть, ее сакрализацию, но и на всё, что было связано с землей и истинной верой. Анализируя данные летописей, можно заметить, что со временем идея «Божьей кары» трансформировалась из идеи наказания за неуважение правителя к покаранию за всё, что может нести опасность для веры и ее последователей. Именно отсюда берет свое начало противостояние языческой и христианской культуры, нашедшее свое отражение в летописных свидетельствах военного противостояния Руси и литовцев, равно как и других нехристиан. Одни из

первых записей, иллюстрирующих нападения неверных на христианские земли Руси, можно найти в «Лаврентьевской летописи». Они относятся к борьбе с половцами, которых неизменно постигает «Божья кара» за их преступления: *«... и Половецъ безбожныхъ множество избивша . а ингъхъ загнаша . и тако измроша оубиваеми гнѣвомъ Бжымъ . и прѣстѣе юго Мѣре . много бо зла створиша ти вканныи Половци Руской земли . того ради всемлѣтвѣи Бѣ хота погубити . и наказати безбожныхъ снѣи Измаиловы Куманы . аеко да ѿмьстятъ кровь хрсѣаньску»*.⁴⁰

Схожие свидетельства характерны и для борьбы русских князей с литовцами, нападающими на соседние христианские земли в начале XIII в.: *«кнѧзъ же Ерѡславъ помоливъсѧ Бѣ и поѣха на нь . сступившимъ же сѧ полкомъ . побѣгоша погании . и кнѧзъ же Ерѡславъ силою крѣта чѣтнаго . и млѣвою стѣе Бѣи . и архнѣла Е Михаила и Гаврила . гна по нихъ . ввѣхъ изби . а инѣхъ изъима . и кнѧзи ихъ изъима . а полонъ весь ѿѧ . и бысѣ радо велика по встѣмъ земламъ тѣмъ . свѡбоженѣмъ имъ ѿ поганѣхъ . бысѣ миръ потомъ на многа лѣта»*.⁴¹

При этом Литва воспринимается больше как военно-политический участник тогдашних событий, нежели как вражеские племена, нападающие на христианские земли и творящие святотатства: *«Того же лѣта Гюрги князь присла брата своего Святослава новгородчѣмъ въ помощь; идоша новгородци съ Святославомъ къ Кеси, и придоша Литва въ помочъ же; и много воеваша, нь города не възьяша»*.⁴² В «Новгородской первой летописи» старшего извода под 1213 г. содержится запись о том, что *«Въ Петрово говение изъехаша Литва безбожная Пльсковъ и пожгоша»*.⁴³ Подобная запись содержится и в «Галицко-Волынской

³⁷ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.–Л., 1962, С. 167-174; ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. С. 156-163.

³⁸Щанов Я. Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 100.

³⁹Лаврентьевская летопись. С. 139; Ипатьевская летопись. С. 115-117.

⁴⁰Лаврентьевская летопись. С. 446.

⁴¹Там же. С. 448.

⁴²Там же. Л. 94-95.

⁴³ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее- НПЛ). М.–Л., 1950. Л. 78.

летописи»: «В тоє ж[e] лѣто прїйдоша литва и воеваша вколо ...»⁴⁴.

Кроме того, Литва зачастую выступает союзником русских князей: «... бѣше тогда и Костянтинъ князь, зять Александровъ, и Ярославъ, брат Александровъ, съ своими мужи, и Полотъскыи князь Товтивиль, с ним полочанъ и Литвы 500, а новгородского полку бежисла, толко богъ вѣсть»⁴⁵. Более того, русские князья сами обращаются к Литве за помощью: «Данило ж[e] и Васил[ъ]ко послата в литвоу, помощи просаца, и послана быс[тъ] вт[ъ] Миньдога помощь»⁴⁶.

Вместе с тем нельзя говорить, что отношения Литвы и Руси в XIII в. воспринимались летописцами исключительно нейтрально, с точки зрения политических отношений. Русские летописи также содержат свидетельства о преступлениях литовцев, совершаемых на православных землях против христиан и их святынь. Так, в «Новгородской первой летописи» рассказывается о том, что «Томъ же лѣтъ изгониша Литва Русь оли до тѣргу, Внерѣдѣ, и засада: огнищанъ и гридба, и кто купецъ и гости, и выгнаша я ис посада опять, бьющеса на поли; и ту убиша нѣколко Литвы, а рушанъ 4 мужа: попа Петрилу, 2 Павла Обрадиця, а ина два мужа; а манастирь святого Спаса всѣ пограбиша, и церковь полуниша всю, и иконы и прѣстоль, и цѣренци 4 убиша, и отступиша на Клинь. ... И постиже я на Дубровнѣ, на селищи въ Торопъчской волости, и ту ся би съ безбожными оканью Литвоу; и ту пособи богъ и крестъ честныи и святая София, прѣмудрость божия, надѣ погаными князю Ярославу съ новгородци: и отъяша у нихъ конь 300 и съ товаромъ ихъ, а сами побѣгоша на лесъ, пометавъше оружия, и щиты, и сови, и все от себе; а инии ту костью

падоша»⁴⁷. Практически идентичное свидетельство содержит и «Лаврентьевская летопись»⁴⁸. Кроме того, в последней можно найти и запись о том, что «Тою же зимы вожеваша Литва Новгородскую волость и поимаша мноство много хрыанъ и много зла створиша...»⁴⁹.

С развитием государственности у литовцев антагонизм язычников и христиан усиливается. В Новгородской первой летописи под 1253 г. описана «Божья кара» литовцев за их нападения на земли Руси. Примечательно, правда, время ее упоминания – год, когда первый князь Литвы Миндовг короновался после принятия христианства по западному образцу: «Воеваша Литва волость Новгородскую, и поимаша с полономъ, и угониша ихъ новгородци с княземъ Васильемъ у Торопча; и тако мѣсти имъ кровь христьянская, и побѣдиша я, и полонъ отымаша и придоша в Новъгородъ здравии»⁵⁰.

Этот факт является весьма примечательным, так как очевидно, что в средневековой культуре существовало не только противостояние между язычниками и христианами, но имел место и антагонизм между католиками и православными.⁵¹ Одним из примеров тому может служить пример из истории Руси середины XII в.: « в то же лѣто приведе Всеволодъ за снѣ своего Стѣслава . Василковноу Полотъского кнѣза и скоупишася братья вса . и безбожни Лаховъ . и пиша оу Всеволода . и тако разидошася»⁵². Апогеем же антагонизма двух христианских традиций явилось «Слово о вере христианской и о латинской», созданное и распространенное на землях Руси⁵³. Но

⁴⁴Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / wyd., wstępem i przyp. opatrz. D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. Kraków–Warszawa, 2017. С. 263.

⁴⁵НПЛ. Л. 139.

⁴⁶Kronika halicko-wołyńska... С. 274-275.

⁴⁷НПЛ. Л. 118.

⁴⁸Лаврентьевская летопись. Стб. 513.

⁴⁹Там же. Стб. 447.

⁵⁰НПЛ. Л. 133.

⁵¹Добровольский Д. Христиане или латинники: религиозный аспект восприятия поляков русскими книжниками XI–XIII вв. // Colloquia Russica. Т. 9. Krakow, 2019. С. 177.

⁵²Ипатьевская летопись. Стб. 314.

⁵³Добровольский Д. А. «Слово о вере христианской и о латинской» в историческом контексте сер. XII в. // Восточная Европа в древности и средневековье: XXX

это предмет отдельной дискуссии, не входящей в рамки данного исследования.

Для конца XIII в. практически нет сведений в русских летописях, характеризующих не только антагонизм языческой Литвы и православной Руси, но и в целом данных об их остром противостоянии. Несомненно, это было связано с развитием государственности будущего ВКЛ, особенностями проводимой последователями Миндовга политики на землях Руси, а также необходимостью союзнических отношений перед лицом общего врага – Немецкого ордена.

В целом же, рассматривая свидетельства памятников русского летописания, касающихся противостояния язычников-литовцев и христиан Руси в рассматриваемый период времени, нельзя не отметить ряд отличий, по сравнению с аналогичной проблемой и данными, нашедшими отражение в хрониках Немецкого ордена. Во-первых, данные, касающиеся нападений литовцев на земли Руси в начале XIII в., носят скорее констатирующий и описательный характер, в целом отличающийся своей нейтральностью, несмотря на упоминания о «Божьей каре», постигающей язычников за их преступления. Практически отсутствуют детальные описания преступлений и святотатств, совершаемых литовцами по отношению к соседям-христианам. Имеющиеся же немногочисленные критические свидетельства относятся в первую очередь к догосударственным образованиям литовцев. Военные столкновения Литвы и Руси скорее вплетены в хронологию политической истории и воспринимаются как очередной элемент взаимодействия Руси с соседними государственными образованиями. Кроме того, сам термин «Литва» в отношении литовцев в восточнославянских летописях, в отличие от «литовцев», «язычников литовцев», апеллирует к ним как политическому образованию, субъекту в первую очередь политики.

Очевидно, что яркий антагонизм литовцев и Ордена, представленный в немецких хрониках, был обусловлен в первую очередь не более жестокими действиями язычников именно на западных границах, но стремлением христианских хронистов оправдать действия рыцарей, как и целенаправленную политику их структуры, по христианизации восточных земель. Кроме того, нельзя не отметить то обстоятельство, что литовцы зачастую оказывались союзниками русских князей в борьбе против Ордена, а значит – это откладывало свой отпечаток на восприятие язычников Литвы их современниками и летописцами Руси.

Говоря о хрониках Немецкого ордена, необходимо также учитывать, что они были созданы в определенных политических условиях постоянного конфликта с языческой Литвой, который длился к тому времени уже более столетия, меняя лишь несколько свой характер. Наряду с уже имеющейся историей военных столкновений между сторонами, необходимость оправдания действий рыцарей Ордена на восточных территориях под эгидой распространения христианства привела к тому, что ключевым негативным субъектом, совершающим коварные и агрессивные нападения на христианские земли, творящим святотатства и преступления против истинной веры, явились именно язычники Литвы. «Божья кара», постигающая последних, при этом является ярким свидетельством прохристианской ориентации данных текстов, а также дает представления о мировоззрении, господствовавшем в среде христианского духовенства и западного европейского общества в целом.

Приведенные в статье примеры не уникальны, аналогии можно встретить в другом историческом контексте. Вместе с тем они показывают нам, что помощь и благословение Бога, как и его регулятивная функция (через наказание) были одной из исходных идей средневекового христианского мировоззрения. В процессе политогенеза их можно рассматривать как одни из основных механизмов, управляющих обществом. Летописцы того времени фактически создавали картину мира, не

юбил. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, ред. Е. А. Мельникова, др. М., 2018. С. 88-92.

только описывая события, но и давая им собственную оценку, высказывая свои характеризующие суждения. Разумеется, это можно было сделать только в соответствии с нормами и традициями, которые преобладали в их одобрении. Бог был одним из самых влиятельных и могущественных субъектов, которые могли вмешиваться в жизнь людей, выражать свое одобрение или неодобрение жителям земли и даже их правителям, а также наказывать их в случае неуважения или нарушения порядка или правил. Для средневековой эпохи характерно понятие «своего – чужого», «друзей – врагов». И в этом отношении для христианина самой отрицательной фигурой являлся язычник, не разделяющий, противопоставляющий себя устоявшемуся христианскому порядку и традициям, ценностям. Он находится как бы вне христианского круга, несет разрушение и смерть христианскому народу, нарушает мир, который сохранялся на протяжении длительного времени. И поскольку главной

регулирующей силой общества в эпоху Средневековья была религия, логично, что за такие преступления язычников должен был наказывать Бог, если не своими руками, чудом, то с помощью реальных людей – воинов-христиан.

Таким образом, антагонизм язычников Литвы и христиан, появляющийся на страницах немецких хроник и русских летописей, является ничем иным, как отражением глубоких социокультурных процессов, происходивших в средневековом обществе, будучи по сути отражением мировоззрения христианского книжника. Различия же в представлении язычников Литвы в восточной и западной нарративной традициях были обусловлены в первую очередь не различиями в религии, исповедуемой тем или иным летописцем (католичества или православия), но и конкретными политическими условиями, в которых происходила эволюция отношений Литвы, Немецкого ордена и земель Руси.

Библиография

Источники:

- Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. Пер. С. А. Аннинского. М.–Л., 1938.
- Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час. Уклад. В. А. Варонін. 2-е выд. Смаленск, 2013.
- Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / под ред. В. И. Матузовой. Москва, 1997.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1962.
- Полное Собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
- Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.
- Die Aeltere Chronik von Oliva // Scriptorum rerum Prussicarum.* B. 5. Leipzig, 1874.
- Hermann de Wartberge Die Chronicon Livoniae // Scriptorum rerum Prussicarum.* Bd. II. Leipzig, 1863.
- Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / wyd., wstępem i przyp. opatr. D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. Kraków–Warszawa, 2017.
- Henricus Lettus.* Livländische Chronik // *Scriptores rerum Livonicarum.* Riga, 1853.
- Livländische Reimchronik / ed. by Franz Pfeiffer. Stuttgart, 1844.
- Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae // Scriptorum rerum Prussicarum.* B. 1. Leipzig, 1861.
- Wigand von Marburg* Nowa kronika pruska / oprac. S. Zonenberg, K. Kwiatkowski. Torun, 2017.
- #### **Литература:**
- Антонович В. Б.* Очерки истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878.
- Бардах Ю.* Штудыі з гісторыі ВКЛ. Мінск, 2010.

Волощук М. Галицькі князі та знать у відносинах із Литвою // Український історичний журнал. № 4. 2018.

Гудавичус Э. «Литва Миндовга» // Проблемы этногенеза и этническая история балтов; под ред. Р. Ваулкайте. Вильнюс, 1985

Добровольский Д. А. «Слово о вере христианской и о латинской» в историческом контексте сер. XII в. // Восточная Европа в древности и средневековье: XXX юбил. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, ред. Е. А. Мельникова, др. М., 2018.

Добровольский Д. Христиане или латинники: религиозный аспект восприятия поляков русскими книжниками XI–XIII вв. // Colloquia Russica. Т. 9. Krakow, 2019.

Дубонис А. Проблемы образования Литовского государства и его отношений с Галицко-Волынским княжеством в новейшей историографии Литвы // Княжа доба: історія та культура; ред. Я. Ісаєвич. Львів, 2008.

Жлутка А. Каранаяця Міндоўга і заснаванне першага біскупства ў дакументах XIII ст. // Наша Вера. № 2 (24). 2003.

Краўцэвіч А. К. Гісторыя Вялікага княства Літоўскага, 1248–1377 гг. Вроцлав, 2015.

Насевіч В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. Мінск, 1993.

Петраускас Р. Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 1 (11). 2012.

Семянчук Г., Шаланда А. Да пытання аб пачатках Вялікага княства Літоўскага ў сярэдзіне XIII ст. (яшчэ адна версія канструявання мінуўшчыны). Białoruskie Zeszyty Historyczne. № 11. 1999.

Флоря Б. Н. Два портрета идеальных правителей на страницах Хроника Галла Анонима // Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в Средние века: к 70-летию Бориса Николаевича Флори (Славяне и их соседи. Вып. 12). М., 2008.

Щапов Я. Н. Очерки русской истории, источниковедения, археологии. М., 2004.

Varanauskas T. Lietuvos valstybes istakos. Vilnius, 2000.

Błaszczak G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. 1: Trudne początki. Poznań, 1998.

Gudavičius E. Mindaugas. Vilnius, 1998.

Gudavičius E. Polityczny problem Królestwa Litewskiego w połowie XIII w. // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefie Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Materiały z konferencji historyków radzieckich i polskich w Toruniu z r. 1988; red. M. Biskup. Toruń, 1990.

Halecki O. Polska i Litwa wobec Rusi w jej epoce dzielnicowej // Dzieje Unii Jagiellonskiej. T. 1: Wiekach Srednich. 1919.

Jaritz G. Rituals, images and daily life: the medieval perspective. Berlin, 2012.

Kosman M. Od chrztu do chrystianizacji. Warszawa, 1992.

Lowmianski H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznan, 1983.

Makauskas B. Lietuvos Istorija. Kaunas, 2000.

Nagirnyj W. Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264. Kraków, 2011.

Ochmanski E. Dawna Litwa. Studia historyczne. Olsztyn, 1986.

Ochmanski E. Historia Litwy. Wrocław–Warszawa–Krakow, 1990.

Paszkievicz H. Litwa przed Mendogiem // Pamiętnik V powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie. 28 listopada do 4 grudnia 1930 r. T. 1: Referaty. Lwów, 1930.

Paszkievicz H. Początki Rusi. Krakow, 1996.

Rasanen M., Hartman G. Relics, identity, and memory in medieval Europe. Turnout, 2016.

Rimša E. Ar Mindaugo majestotinis antspaudas? // Lietuvos dailės muziejaus metraštis. № 6. 2005.

Rowell S. C. Pagans, peace, and the Pope 1322–1324: Lithuania in the Centre of European Diplomacy // Archivum Historiae Pontificiae. Vol. 28. 1990.

Rowell S. C. Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994.

Rowell S. C., Griskaite, R., Rudis, R. A history of Lithuania. Vilnius, 2002.

Ryier Y. To the issue of the phenomenon of “God’s punishment” of pagans of Lithuania for their attacks on the Christian lands of the Teutonic Order in the Order Chronicles of the XIV century // Rocznik Przemyski. T. 56. Historia: z. 1 (23). 2020.

Сведения об авторе

Риер Янина Александровна, кандидат исторических наук, Краков (Польша). Область научных интересов: механизмы легитимации власти в средневековых сословиях; сакральность правителей в ранних государствах; образ языческих и христианских правителей Великого княжества Литовского в повествовательной традиции; явление Божьей кары язычников-литовцев в христианских летописях.

E-mail: yaninaryier89@gmail.com

Ya. A. Ryier

ANTAGONISM OF THE PAGANS OF LITHUANIA AND THE CHRISTIANS IN THE XIII CENTURY IN THE NARRATIVE TRADITIONS OF THE TEUTONIC ORDER AND RUS`

Annotation: The article deals with the analysis of the antagonism of the pagans of Lithuania and the Christians living in neighboring territories, presented in European narratives, primarily in the chronicles of the Teutonic Order, as well as in the Ruthenian annals. During the investigation, the reconstruction of the chronicle image of the pagan Lithuanians who committed crimes against the Christians (both on the Order lands and on the territories of Rus`) was carried out; the crimes committed by the pagans on the Christian lands were classified; the features of the phenomenon of “God’s punishment” were distinguished. The author points out the role of the antagonism of Pagan and Christian culture in the medieval narrative tradition in the context of the political genesis of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Lithuania, Teutonic Order, Rus`, Paganism, Christianity, “God’s punishment”, antagonism, chronicles, war.

References

Sources:

Petr iz Dusburga. Khronika zemli Prusskoi [Peter of Dusburg. The Chronicle of the Prussian Land]. Ed. by V. I. Matuzova. Москва, 1997. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 1: Lavrent’yevskaya letopis’. Moscow, 1962. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 2: Ipat’yevskaya letopis’. St. Petesburg, 1908. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. T. 3: Novgorodskaya pervaya letopis’ starshego i mladshego izvodov. Moscow–Leningrad, 1950. (In Russian).

Die Aeltere Chronik von Oliva [The Older Chronicle of Oliwa]. Scriptores rerum Prussicarum. B. 5. Leipzig, 1874.

Hermann de Wartberge Die Chronicon Livoniae [The Chronicle of Livonia]. Scriptores rerum Prussicarum. Bd. II. Leipzig, 1863.

Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) [The Galician-Volhynian Chronicle (The Chronicle of the Romanovichs)]. Ed. D. Dąbrowski, A. Jusupović, [etc.]. Kraków–Warszawa, 2017. (In Polish).

Genrikh Latviiskii. Khronika Livonii [The Chronicle of Livonia]. Transl. by S. Anninskii. Moscow–Leningrad, 1938. (In Russian).

Letapisy i khroniki Belarusi. Syarednyavechcha i ran'nemaderny chas [Chronicles of Belarus. Middle Ages and Early Modern Times]. Ed. by V. Voronin. Smolensk, 2013. (In Belarusian).

Henricus Lettus. Livländische Chronik [The Chronicle of Livonia]. Scriptores rerum Livonicarum. Riga, 1853.

Livländische Reimchronik [The Livonian Rhymed Chronicle]. Ed. by Franz Pfeiffer. Stuttgart, 1844.

Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae [The Chronicle of the Prussian Land]. Scriptores rerum Prussicarum. Vol. 1. Leipzig, 1861.

Wigand von Marburg Nowa kronika pruska [The New Chronicle of Prussia]. Ed. by S. Zonenberg, K. Kwiatkowski. Torun, 2017. (In Polish).

Researches:

Antonovich V. B. Ocherki istorii Velikogo knyazhestva Litovskogo do poloviny XV stoletiya [Essays on the history of the Grand Duchy of Lithuania till the half of the XV century]. Kyiv, 1878. (In Russian).

Baranauskas T. Lietuvos valstybes istakos [The beginning of the Lithuanian state]. Vilnius, 2000. (In Lithuanian).

Bardakh Yu. Shtudyi z gistoryi VKL [Studies on the history of GDL]. Minsk, 2010. (In Belarusian),

Błaszczak G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności [The history of Polish-Lithuanian relations from the earliest times to the present days]. Poznań, 1998. Vol. 1: Trudne początki [Vol. 1: The difficult beginning]. (In Polish)

Dobrovol'skii D. A. "Slovo o vere khristianskoi i o latinskoi" v istoricheskom kontekste ser. XII v. ["The Word about Christian and Latin Faith" in the historical context of the middle of the XII c.] // Vostochnaya Europa v drevnosti i srednevekov'e: XXX yubil. Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V. T. Pashuto. Ed. E. A. Melnikova, [etc.]. Moscow, 2018. (In Russian).

Dobrovol'skii D. Khristiane ili latinniki: religiozni aspekt vospriyatiya polyakov russkimi knizhnikami XI–XIII vv. [Christians or Latinists: the religious aspect of the perception of Poles by Russian chroniclers of the XI–XII cc.] // Colloquia Russica. Vol. 9. Krakow, 2019. (In Russian).

Dubonis A. Problemy obrazovaniya Litovskogo gosudarstva i ego otnoshenii s Galitsko-Volynskim knyazhestvom v noveishei istoriografii Litvy [The problem of the formation of Lithuanian state and his relations with the Galician-Volhynian principdom in the modern historiography] // Knyazha doba: istoriya ta kultura. Ed. Ya. Isayevich. Lviv, 2008. (In Russian).

Florya B. N. Dva portreta ideal'nykh pravitelei na stranitsakh Khroniki Galla Anonima [Two portraits of ideal rulers on the pages of the Chronicle of Gallus Anonymus] // Anfologion: vlast', obshchestvo, kul'tura v slavyanskom mire v Sredniye veka: k 70-letiyu Borisa Nikolayevicha Flori. (Slavyane i ikh sosedi. Vol. 12). Moscow, 2008. (In Russian)

Gudavichus E. "Litva Mindovga" [Lithuania of Mindaugas] // Problemy etnogeneza i etnicheskaya istoriya baltov. By ed. R. Vaulkajte. Vilnius, 1985. (In Russian).

Gudavicius E. Mindaugas [Mindaugas]. Vilnius, 1998. (In Lithuanian).

Gudavičius E. Polityczny problem Królestwa Litewskiego w połowie XIII w. [The political problems of the Kingdom of Lithuania in the middle of the XIII century] // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefe Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Materiały z konferencji historyków radzieckich i polskich w Toruniu z r. 1988. Ed. M. Biskup. Toruń, 1990. (In Polish).

Halecki O. Polska i Litwa wobec Rusi w jej epoce dzielnicowej [Poland and Lithuania towards Ruthenia in its epoch of feudal fragmentation] // Dzieje Unii Jagiellonskiej. Vol. 1: Wiekach Srednich. Kraków, 1919. (In Polish).

- Jaritz G.* Rituals, images and daily life: the medieval perspective. Berlin, 2012. (In English).
- Kosman M.* Od chrztu do chrystianizacji [From baptism to christianization]. Warszawa, 1992. (In Polish).
- Kraŭtsevich A. K.* Gistoryya Vyalikaga knyastva Litoŭskaga, 1248–1377 gg. [History of the Grand Duchy of Lithuania, 1248–1377]. Wrocław, 2015. (In Belarusian)
- Lowmianski H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego [Studies on the history of the Grand Duchy of Lithuania]. Poznań, 1983. (In Polish)
- Makauskas B.* Lietuvos Istorija [History of Lithuania]. Kaunas, 2000. (In Lithuanian)
- Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264 [Foreign policy of the principalities of Halych and Volhynia in the years 1198 (1199)–1264]. Kraków, 2011. (In Polish)
- Nasevich V.* Pachatki Vyalikaga knyastva Litoŭskaga. Padzei i asoby [The beginnings of the Grand Duchy of Lithuania. Events and Persons]. Minsk, 1993. (In Belarusian).
- Ochmanski E.* Dawna Litwa. Studia historyczne. [Ancient Lithuania. Historical studies]. Olsztyn, 1986. (In Polish).
- Ochmanski E.* Historia Litwy [History of Lithuania]. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1990. (In Polish).
- Paszkievicz H.* Litwa przed Mendogiem [Lithuania before Mindaugas] // Pamiętnik V powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie. 28 listopada do 4 grudnia 1930 r. Vol. 1: Referaty. Lwów, 1930. (In Polish).
- Paszkievicz H.* Początki Rusi [The beginnings of Rus']. Kraków, 1996. (In Polish)
- Petrauskas R.* Pravyashchii rod i znat': k voprosu o predposylkakh formirovaniya litovskogo gosudarstva [The ruling family and the nobility: on the issue of preconditions for the formation of the Lithuanian state]. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. No. 1 (11). 2012. (In Russian).
- Rasanen M., Hartman G.* Relics, identity and memory in medieval Europe. Turnout, 2016. (In English).
- Rimša E.* Ar Mindaugo majestotinis antspaudas? [Was the seal of Mindaugas Majestic?] // Lietuvos dailės muziejaus metraštis. No. 6. 2005. (In Lithuanian).
- Rowell S. C.* Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994. (In English).
- Rowell S. C.* Pagans, peace and the Pope 1322–1324: Lithuania in the Centre of European Diplomacy. Archivum Historiae Pontificiae. Vol. 28.1990. (In English).
- Rowell S. C., Griskaite R., Rudis R.* A history of Lithuania. Vilnius, 2002.
- Ryier Y.* To the issue of the phenomenon of “God’s punishment” of pagans of Lithuania for their attacks on the Christian lands of the Teutonic Order in the Order Chronicles of the XIV century. Rocznik Przemyski. Vol. 56. Historia: z. 1 (23). 2020. (In English).
- Semyanchuk G., Shalanda A.* Da pytannya ab pachatkakh Vyalikaga knyastva Litoŭskaga ŭ syar-edzine KhIII st. (yashche adna versiya kanstruyavannya minuŭshchyny) [On the issue of the beginnings of the Grand Duchy of Lithuania in the middle of the 13th c.]. Białoruskie Zeszyty Historyczne. No. 11. 1999. (In Belarusian).
- Shchapov Ya. N.* Ocherki russkoi istorii, istochnikovedeniya, arkheografii [Essays on Russian history, source studies, archeography]. Moscow, 2004. (In Russian)
- Voloshchuk M.* Galits'ki knyazi ta znat'u vidnosinakh iz Litvoyu [Galician prince and nobility in relations with Lithuania]. Ukrayinskii itorichnii zhurnal. No. 4. 2018. (In Ukrainian).
- Zh lutka A.* Karanatsyya Mindaogya i zasnavanne pershaga biskupstva ŭ dokumentakh XIII st. [Coronation of Mindaugas and foundation of the first bishopric]. Nasha Vera. No. 2 (24). 2003. (In Belarusian).

About the author

Ryier Yanina A., PhD of Historical Sciences (PhD), Kracow (Poland). Reseach interests: mechanisms of power legitimization in medieval estates; sacrality of rulers in early states; image of pagan and christian rulers of the Grand Duchy of Lithuania in narrative tradition; the phenomenon of God's punishment of pagan Lithuanians in Christian chronicles.

E-mail: yaninaryier89@gmail.com